

ЭМОЦИИ И СТАРОСТЬ

© Т. В. Филатов

Филатов Тимур Валентинович
доктор философских наук,
профессор
заведующий кафедрой
философии
Поволжский
государственный университет
телекоммуникаций
и информатики
tfilatoff1960@mail.ru

В статье рассматривается проблема старения человека в интеллектуальном и эмоциональном аспектах. Обосновывается идея асимметрии интеллектуального развития личности, имеющего характер синусоиды, и экспоненциального эмоционального угасания человека, начинающегося с момента рождения.

Ключевые слова: старость, эмоции, интеллект, постпросветительство, экзистенция.

«А потом будет старость. Она
Ну, какая-то все-таки будет.
Черный дождь по карнизам окна,
Простучав, тебя в полночь разбудит.

Ну, а если не будет “потом”,
Как у павшего навзничь солдата
С распластованным животом,
Что на пашне я видел когда-то?

Нет, потом будет старость! Она
Постучит к тебе в полдень осенний:
Удивительная новизна
Притупления всех ощущений!

И как край одеяла отбрось,
Холод старческий чувствуя в теле,
То, что жизнью когда-то звалось,
То, чего, знать, и нету на деле».

Это стихотворение Владимира Винокурова — советского поэта середины прошлого века — воспроизведено мною по памяти. Помнится в юности, в пору увлечения поэзией, оно произвело на меня большое впечатление по той простой причине, что старость редко становится темой поэтического произведения, поскольку поэзия — стихия молодости. Пара-

доксальным образом в первой когорте великих русских поэтов сплошь молодые люди, причем по большей части трагически погибшие, не в силах справиться со стихией раздиравших их чувств. Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Есенин, да и Высоцкий неплохо смотрятся в этом ряду. Напротив, Некрасов, Фет, Тютчев, Алексей Константинович Толстой, прожившие достаточно долго, тушуются и уходят в тень, на вторые роли, хотя их талант ничуть не меньше таланта вышеназванных лиц.

Продолжая соответствующий литературный обзор, можно констатировать, что великие русские писатели: Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Шолохов — это люди зрелого возраста, т. е. умудренные, отягощенные жизненным опытом и прочими последствиями прожитой жизни, и потому более рациональные. Впрочем, и у этих гениев пера старость, как таковая, достаточно редко становится предметом описания и осмысления. Герои «Войны и мира», «Братьев Карамазовых», «Тихого Дона» — по большей части молоды. И вообще, в рамках постхристианской западной цивилизации старость, по преимуществу, воспринимается как нечто криминальное, заслуживающее сокрытия не только на обыденно-бытовом уровне, но и в контексте философской рефлексии.

Действительно, смысл существования человека в христианском социуме заключался в спасении души и обретении Царствия Небесного. В этом плане старость, как заключительный этап человеческого бытия, представлялась вполне естественной, поскольку знаменовала собой сознательное итоговое приготовление к финальной встрече с Богом. Ситуация, однако, меняется в Новое время, одной из существенных черт которого, по мнению Хайдеггера, становится «обезбожение», атеизм¹. Логическое завершение этого процесса — слова Ницше: «Бог мертв»².

Первоначально на смену средневековой апокалиптике приходит просветительская теория прогресса. Царствие Небесное — миф, однако, человек, вооруженный средствами науки, вполне способен осуществить эту идею на практике, построив аналогичное Царство на земле. В этом смысл бэконовского императива «Знание — сила!»³ и дух просветительской фаустовской цивилизации, как определил ее Освальд Шпенглер⁴. Новая система философских представлений об универсуме естественным образом задавала новую иерархию ценностей: молодые в этой связи оказывались избранными, поскольку только у них, в отличие от проклятых старых, реально наличествовал шанс узреть пресловутое «светлое будущее», что заставляет вспомнить известное евангельское пророчество Христа: «Ис-

¹ Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие / М. Хайдеггер. М. : Республика, 1993. С. 42.

² Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. М. : Гнозис, 1993. С. 168—217.

³ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / сост. В. Серов. М. : Локид-Пресс, 2005. 852 с.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993. 663 с.

тинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе»⁵.

Позднее аналогичное пророчество было высказано Лениным на третьем съезде комсомола: «Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества [...]. И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10-20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую»⁶.

Ситуацию в отношении старости отягчало также то, что в рамках просветительской парадигмы она ассоциировалась с чем-то замшелым, статичным и потому реакционным. Старое по большей части рефлексирует относительно прошлого, отрицая настоящее, как не соответствующее «добрым старым временам», тогда как молодость живет исключительно будущим, и только ее нигилизм в отношении настоящего имеет положительный знак. Не случайно социализм объявлял себя «молодостью мира»: у более старого капитализма в рамках просветительской идеологии не оставалось никаких шансов. В этой связи цинической гримасой истории можно считать установление режима геронтократии в СССР в 70-е годы XX века, что, само по себе, порождало чувство уныния и безысходности в советской стране накануне ее сокрушительного распада.

Специфика современной западной цивилизации заключается в том, что она является не только постхристианской, но и постпросветительской. После распада СССР идея «светлого будущего» потерпела окончательный крах, симптомы которого обозначились уже в середине XX столетия, в период между двумя мировыми войнами. Именно тогда лучшие умы человечества начинают искать новые смыслы, составившие впоследствии идейные основы современной цивилизации.

Рассуждая диалектически, следует констатировать, что крушение просветительской парадигмы, повлекшее за собой естественное отрицание веры в «светлое будущее» и императива существования во имя грядущих поколений, вовсе не означает возвращения к традиционным религиозным ценностям, хотя внешне это выглядит именно так, о чем явственнее всего свидетельствует мусульманское религиозное возрождение, сопровождающееся культурно-демографической экспансией ислама.

Современная «возрожденная» религиозность, будучи опосредованной просвещением, имеет принципиально иную природу, нежели, например,

⁵ Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Самара : Самар. Дом печати, 1997, Марк, гл. 9, ст. 1.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 317—318.

религиозность средневековая. Это всего лишь некий социально-культурный код, позволяющий вчерашним безликим представителям просветительской «массы» выделиться из распадающейся общечеловеческой толпы, обосновав свое первоочередное право доступа к социальной «кормушке». Разве за символ веры убивали друг друга представители различных конфессий распавшейся Югославии? Разве проблема Косово не обусловлена активным размножением одного этноса (албанского), стремящегося вытеснить не размножающийся другой (сербский)? Разве исламские революции в арабских странах Северной Африки в 2011-12 годах не связаны с перманентным ухудшением жизни простых людей вследствие экспоненциального роста численности населения?

Суммируя сказанное, следует констатировать, что в современном мире на смену религиозной и просветительской парадигмам существования приходит парадигма экзистенциальная, ограничивающая бытие рамками повседневности «здесь и сейчас». Примечательно, что просветительская традиция начиналась с открытия бесконечности Кузанским и Бруно. «Вселенная — сфера бесконечного радиуса, центр которой — везде, а границы — нигде!». Постпросветительство диалектически связано со вторым обретением конечности. Более нет ни прошлого, ни будущего; осталось только настоящее, устремленное из одного небытия, которое наличествовало до нашего рождения, к другому небытию, которое пребудет после нашей смерти. Понимание жизни как бытия-к-смерти, сформулированное Хайдеггером⁷, и есть последняя тайна постпросветительской цивилизации.

Смысл жизни современного человека, тем самым, сводится к максимальному потреблению жизненных благ, степень доступа к которым и обуславливает осмысленность человеческого существования. Последнее влечет за собой устройство бытия как процесса непрерывного увеличения объема личной собственности, т. е. суммы материальных благ, воспринимаемых индивидом как продолжение своей личности. Тем самым формируется «общество массового потребления», в рамках которого неспособность потреблять становится эквивалентной невозможности жить.

Крах социализма в СССР, повлекший за собой распад страны, объяснялся исключительно более низким уровнем потребления во «втором» социалистическом мире по сравнению с «первым», капиталистическим, не говоря уже о «третьем» мире, нищета которого воспринимается представителями постпросветительской цивилизации апокалиптически, как бытие в аду на земле. Последнее, однако, компенсируется осознанием того, что страдания людей в иных мирах, организованных иначе, нежели массово-потребительский, не фатальны. Попавший в соответствующие социальные условия индивид может изменить свое положение, например, эмигрировав в более богатый социум.

Тем самым «страдания» бедняков, равно как «бедственное» положение религиозных фанатиков, политических экстремистов, преступников, алкоголиков, наркоманов и других подобных индивидов, по своей природе

⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. С. 252.

имеют онтический характер, будучи связанными с субъективными обстоятельствами бытия индивида, а не с его сущностью. Существуют, однако, как минимум, две категории лиц, «страдания» которых онтологичны по своей природе, потому что они не зависят от воли субъекта, накладывая на его повседневное существование бесцельность обреченности, неспособность к полноценному потреблению и, тем самым, маргинальную отделенность от сообщества «нормальных», т. е. способных к максимальному потреблению людей.

Первая из подобных категорий — инвалиды, культовое отношение к которым экспортируется в последние годы в Россию из стран благополучного Запада. В христианской цивилизации инвалидность воспринималась как испытание, посылаемое человеку Богом, пройдя которое, испытываемый получал в качестве награды вечное блаженство. Но в ситуации, когда горизонт жизни ограничивается исключительно плоскостью «здесь и сейчас», инвалидность вырастает до масштабов трагедии.

Вместе с тем в инвалидности сохраняется онтический элемент случайности: это может случиться с каждым, но вовсе не обязательно, что означенное случится именно со мной. Чаша сия может быть пронесена и мимо меня, что позволяет нормально потребляющим индивидам воспринимать инвалидов до некоторой степени объективистски-нейтрально, без подспудно присутствующей во всякой вовлеченности эмоциональной негативности.

Существует, однако, вторая категория людей, «страдания» которых онтологичны не только фактически, но и генетически. Это — старики. В отличие от инвалидности, которая всегда случайна, старость противопоставляет индивиду в качестве железной необходимости. Избегнуть ее никак нельзя, от нее можно только сбежать, умерев молодым, что и осуществляли периодически культовые для отечественной культуры поэты. Отсюда наша вовлеченность в старость и, как следствие этого, амбивалентное, в отличие от инвалидности, отношение к ней. С одной стороны, старость, наблюдаемая извне, вызывает жалость, подобную состраданию к инвалидности, но, с другой стороны, она инициирует раздражение, цинически демонстрируя нам наше ближайшее будущее, от которого мы всячески пытаемся абстрагироваться, полностью погружившись в повседневность мелких дел и заботы о вещах, составляющих наше личное пространство.

Продолжая рассмотрение старости в контексте ее аналогии с инвалидностью, можно также констатировать, что инвалидность представляет собой катастрофичную, и потому случайную потерю значимых жизненных качеств индивида, тогда как в старости сужение горизонта онтического происходит постепенно, не в виде скачка и надлома, надвигаясь на индивида подобно вечерним сумеркам. Старея, человеческий организм начинает двигаться во времени вспять, редуцируясь обратно к состоянию младенчества.

Сказанное позволяет вспомнить циклические структуры, подобные леонтьевским, в социософии которого общество необходимо проходит некий жизненный цикл, включающий в себя «первичную простоту», «цве-

тущую сложность», а затем «вторичное смесительное упрощение»⁸. Впрочем, еще греческая точка «акмэ» задавала принципиально бессмысленный, «сизифов» характер человеческой жизни⁹, которая, подобно пресловутому камню, сначала с судорожными усилиями катится вверх, чтобы в нужное время бездарно и без всякого напряжения сверзнуться вниз. Многие философы — от Анаксимандра до Шопенгауэра — задавались вопросом о том, какая, в конце концов, разница между тем небытием, из которого мы вышли, и тем, в которое мы войдем. Ответ прост — никакой, что определяет принципиальное отсутствие смысла жизни за пределами самой жизни, и, следовательно, смысла жизни вообще, т. к. в самом процессе поддержания жизни бесполезно искать ее смысл.

Старость есть опыт умирания. Не случайно Будда начинает свой путь просветления со *случайного* лицезрения у стен своего дворца больного прокаженного, что заставляет его выйти за пределы этих стен в город, где он видит множество стариков и с удивлением спрашивает у своих провожатых: «Чем *больны* эти люди»? Итоговая его встреча — погребальная процессия, т. е. за старостью следует только конечная остановка — смерть. Перефразируя Кьеркегора, можно определить старость как «болезнь к смерти»¹⁰. После сорока лет человек необратимо начинает катиться вниз, проходя все освоенные ранее жизненные стадии, но только в обратном порядке: утрачиваются физические кондиции, острота ума, вплоть до окончательного маразма и хождения под себя.

Именно экзистенциальный опыт старости свидетельствует о том, что человеческая личность не есть константная величина. «Агукающий» малыш и старик в «альцгеймере» — две низших точки, между которыми располагается пресловутое греческое «акмэ». Но, в отличие от ничего еще не осознающего младенца, старик способен рационально осознать деструкцию прежнего себя, выразив ее литературным или философским образом. В данной связи возникает кардинальный вопрос: является ли симметрия между первой и второй половинами человеческой жизни полной? Ответ на него может позволить существенным образом просветить экзистенциальную природу старости.

Здесь, прежде всего, вспоминается винокуровское «притупление всех ощущений». В современном мире временные рамки старости перманентно отодвигаются в направлении окончательной дряхлости, что, очевидно, связано с увеличением продолжительности жизни в экономически развитых странах. Если в Риме сорокалетних мужчин именовали «старцами, годными только для жертвоприношения», то сегодня 50-летние и даже 60-летние люди не воспринимаются окружающими как старые. Например, некоторые культовые актеры и певцы, подобно Мадонне, прыгают в этом

⁸ *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство. М. : Даръ, 2005. С. 156.

⁹ *Камю А.* Миф о Сизифе // Творчество и свобода : сб. / А. Камю. М. : Радуга, 1990. С. 29—109.

¹⁰ *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // Страх и трепет / С. Кьеркегор. М. : Республика, 1993. С. 251—350.

возрасте по сцене, натужно изображая молодость. Сегодня старость «наступает» минимум в 70 лет, а то и позже.

Между тем еще Кьеркегор писал о «жале в плоть», и о том, что он был рожден стариком¹¹. Последнее объяснялось простым обстоятельством: он страдал импотенцией и потому не мог чувствовать жизнь с той степенью полноты, которая была доступной его сверстникам. Что же такое старость? «Притупление всех ощущений!» И напрямую с возрастом этот процесс никак не связан. Младенец изначально чувственен, причем, чувственен максимально: интеллектуальный минимум, неразвитость его сознания, компенсируется таким чувством жизни, который никогда более не повторится. Если бы у человека сопротивляемость организма сохранялась на протяжении всей жизни такой же, как у младенца, он мог бы дожить до четырехсот пятидесяти лет.

По мере взросления индивида его интеллектуальный уровень перманентно растет, но эмоциональный фон его жизни, будучи опосредованным разумом, непреодолимо тускнеет и обесцвечивается. Точка перелома в этом процессе происходит, скорее всего, тогда, когда эмоциональное оскудение существования более не компенсируется прогрессом в интеллектуальной сфере. Истинная точка «акмэ» — вовсе не формально статистическое сорокалетие, а особенный для каждого человека момент начала заката, когда мир окончательно утрачивает свои краски.

В этой связи приходит на память одна известная особенность цветового восприятия — контрастность. Экран выключенного телевизора старых моделей воспринимается нами в качестве серого. Как же тогда мы можем увидеть на экране включенного телевизора черный цвет? Только по контрасту с яркими цветами, располагающимися рядом. Аналогичным образом затухание чувственности, наблюдаемое по ходу всей нашей жизни, не воспринимается нами явственно до тех пор, пока оно компенсируется прогрессом нашего интеллекта, деструкция которого после сорока лет превращает нашу жизнь в деструкцию вообще, не в онтическом, а в онтологическом смысле.

Сказанное, однако, может породить ложное по своей сути представление о том, что природа старости сугубо индивидуально-биологическая. Между тем старость, как таковая, есть продукт культурно-исторической эволюции человечества. В природе старости нет, поскольку естественный отбор не позволяет особям устойчиво экзистировать в деструктивном режиме. Исключительно культура, противостоящая природе и ослабляющая вектор отбора, позволяет старости проявиться не только онтически, но и онтологически. В этом смысле вполне естественно, что человеческий социум стареет по мере роста культурности и цивилизованности, вследствие чего современные наиболее продвинутые в цивилизационном плане социумы — это сообщества, в которых безраздельно доминирует старость, то есть поколение «после сорока».

¹¹ Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М. : Прогресс : Гнозис, 1992. С. 35, 38.

Между тем в естественно-биологическом плане для поддержания жизни важна вовсе не особь, а популяция. Бытие организма осмысленно до тех пор, пока он в состоянии производить себе подобных. Понимание означенного обстоятельства находит свое отражение в «Ветхом завете», когда Бог говорит Аврааму: «Я — вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов... И весьма, весьма распложу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя»¹². Примечательно, что идея «вечной жизни» и «Царствия Небесного» в историческом плане возникает значительно позднее — у Христа, который, согласно преданию, принципиально воздерживался от отношений, имеющих своим следствием продолжение себя в потомстве.

Наше природное начало, воплощенное в наследственности, потенциально бессмертно, поскольку его можно длить в потомстве сколь угодно долго. На это обстоятельство указывает Шопенгауэр в «Метафизике половой любви»¹³: удачный выбор полового партнера — продолжение меня в будущем, которого я лишая себя в случае неудачного выбора, обрекая свое потомство на страдания, болезни и конечное вырождение, т. е. популяционную смерть. Однако моя индивидуальность, проще говоря, *душа*, будучи продуктом культуры, не может быть передана естественно-биологически, путем интенсивного размножения себя в здоровом потомстве. Все, что с такими усилиями создавалось мною в качестве моего Я на протяжении всей моей жизни, будет безвозвратно утеряно в тот момент, когда прекратит биться мое сердце.

Очевидно, что подобное положение вещей не кажется индивиду рациональным и справедливым, причем, тем в большей степени, чем более культурно развитым он себе представляется. В конечном итоге осознавшее себя культурное противопоставляет себя природному как духовное — телесному. Сократизм — одна из первых исторических форм философствования — задолго до Христа провозглашает бессмертие души и ничтожность телесных усад, включая главную из них — совокупление, открывающее индивиду ветхозаветный путь продолжения себя в потомстве. Согласно преданию, Сократ исполнял свои супружеские обязанности сугубо формально, добродушно признавая детей, которых его лишённая интимной близости с ним супруга добывала на стороне. Истинными его сыновьями были его ученики, а его продолжение в мире — вечная жизнь его идей в культурном сообществе.

В этом смысле идея личного бессмертия как бессмертия души, воплощаемая в христианстве, является промежуточным звеном в процессе перехода от биологического понимания экзистирования к культурно-историческому. Конечное звено в данном процессе — просветительство, согласно представлениям которого индивид продолжает себя экзистенциально не в аду или в раю, а в «памяти потомства», причем, тем полнее, чем

¹² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Минск : ПИ-КОРП, 1993. Бытие, гл. 17, ст. 4, 6.

¹³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2. М. : Наука, 1993. С. 532—563.

сильнее повлияют на мышление последующих поколений генерируемые им сегодня идеи. Тем самым смысл жизни просветительского человека сводится к творчеству. Необходимо уподобиться Канту или Ньютону, которые отказались от милых семейных радостей с тем, чтобы всецело отдаться процессу синтеза новых концептов. Тот из властителей дум, кто поступал противоположным образом, вел себя нерационально, растрачивая свой гений на пустые, не стоящие внимания дела.

Увы, подобного рода просветительскую смысловую утопию губит именно то, что инициировало ее появление: высокая степень адресности идей. Вероятность того, что кто-то из наших потомков переживет века, достаточно велика даже при самых скорбных раскладах; в конце концов, все люди в какой-то степени родственники. Напротив, мы видим, что из ста миллиардов живших до нас людей властителями дум человечества в лучшем случае стали немногие десятки тысяч. По этой причине постпросветительский человек не может последовательно отказаться от природного в себе, сосредоточившись исключительно на культурном, что вполне рационально, учитывая исчезающе малые шансы преуспеть в соответствующем предприятии.

Парадоксальным образом принципиальная конечность постпросветительского существования, его направленность на сиюминутность, «здесь и сейчас», влечет за собой примат потенциального над актуальным, когда не действительное, а исключительно **возможное** придает жизни какую-то ценность. Декартово просветительское «мыслю, следовательно, существую» замещается здесь максимой «существую, потому что могу». При этом постпросветительскому человеку вовсе не обязательно актуализировать свои потенциалы; означенное в рамках постпросветительского понимания мира принципиально бессмысленно. Достаточно просто знать горизонт собственных возможностей, фиксируя его перманентное расширение.

При подобном положении дел именно утрата способности к деторождению задает для индивида реальную точку «акмэ», никак не связанную со среднестатистическими возрастными параметрами и знаменующую собой реальное наступление старости. Если в культурном плане человек может неопределенно длительное время пребывать в иллюзиях на свой счет, веруя, например, в то, что его труды будут по достоинству оценены последующими поколениями, то в природном плане все предельно просто: женщина утрачивает свой прежний мир в климактерический период, а мужчина осознает окончательное его крушение с наступлением импотенции.

Постпросветительскому человеку важна не конечная цель, которая будет достигнута им в момент завершения пути, а сам путь, т. е. **возможность продолжения**, отсутствие которой обесценивает жизнь вообще, превращая ее в бессмысленное «доживание». Вселенная теряет краски, что позволяет каждому зафиксировать знаковый момент «притупления всех ощущений», о котором говорил Владимир Винокуров. Мир становится чужим и холодным, индивид отстраняется от него, оказываясь в зазеркалье, по ту сторону добра и зла.

В христианскую и просветительскую эпоху сознание стареющего человека могло как-то согреть восприятие данной холодности как симптома обретенной мудрости. Казалось, развитый разум овладел, наконец, мятущейся волей к жизни¹⁴, подчинив себе «слепого гиганта», подобно тому, как опытный наездник смиряет буйного скакуна. Однако сегодня, в пост-просветительском мире, когда знание из результата все более превращается в процесс, стареющий индивид выглядит вовсе не мудрым, а беспомощным и отсталым, чье сознание похоже на антикварную лавку, где распаханы вещи, давно утратившие какую-либо практическую ценность и интересные разве что исторически.

Своеобразие современной исторической ситуации заключается также в том, что нашу эпоху, следуя за Фукуямой, вполне можно определить как «старость человечества»¹⁵. Западная культура окончательно исчерпала себя в своих смыслах, остановившись в развитии. «Дожитие» становится сегодня не только образом жизни уходящих поколений, но и глобальной парадигмой бытия цивилизации. Тем самым отпечаток бессмысленности и бесцельно прожитой жизни конкретного индивида накладывается на социальное бытие в целом, определяя пессимистическое восприятие исторического процесса вообще.

Всякая человеческая жизнь имеет своим итогом окончательное поражение. Старость — осознание этого поражения. Игра уже проиграна, и играющий понимает это, но по инерции продолжает делать какие-то ходы, каждый из которых уже ничего не может изменить в общей картине поединка. Аналогичным образом обстоит дело и в случае человечества, «старость» которого сегодня стоит у нашего порога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — Минск : ПИКОРЦ, 1993. — Бытие, гл. 17, ст. 4, 6.
2. Камю, А. Миф о Сизифе / Творчество и свобода : сб. / А. Камю. — М. : Радуга, 1990. — С. 29—109.
3. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти // Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М. : Республика, 1993. — С. 251—350.
4. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. — С. 317—318.
5. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство. — М. : Даръ, 2005. — С. 156.
6. Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. — Самара : Самар. Дом печати, 1997. — Марк, гл. 9, ст. 1.

¹⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2. М. : Наука, 1993. С. 476.

¹⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 101—224.